

А. А. КРЕТОВ

ТИПОЛОГИЯ И ГЕНЕЗИС РЕКУРСИВНЫХ ТЕКСТОВ

Эта статья посвящена классификации фольклорных текстов по единственному основанию: наличию повторяющихся частей. Именно такие тексты мы называем *рекурсивными*. Такой подход охватывает тексты, традиционно имен *докучными сказками* и *кумулятивными сказками*. Фольклорные песни и заговоры, также имеющие повторения, нами не рассматриваются: это предмет отдельных исследований. Следует сразу со всей определённо подчеркнуть, что наш подход к анализу фольклорных текстов – чисто морфологический (в смысле В.Я. Проппа), т.е. структурный. Все остальные, быть может, не менее важные, аспекты анализа рекурсивных текстов остаются за пределами нашего исследования.

Ранее нам уже доводилось писать о фольклорных текстах рекурсивной структуры [Кретов 1994; 2002а; 2002б; 2003а; 2003б], опираясь на идеи А.И. Никифорова [Никифоров 1928], В.Я. Проппа [Пропп 1976] и И.И. Толстого [Толстой 1936].

Несколько позднее и независимо от нас разработкой той же проблематики занялась И.Ф. Амроян [Амроян 1995, 1996; 1997; 2000; 2005]. В работе [Амроян 2005] содержится во многом справедливая критика самой ранней моей работы [Кретов 1994], которая к 2005 была уже исправлена и уточнена в последующих публикациях.

В моей системе И.Ф. Амроян обнаружила следующие противоречия.

1) «Колобок» – текст не кумулятивной, а ступенчатой структуры: «Колобок последовательно встречается с различными персонажами», а «кумуляция обнаруживается только в песенке Колобка» [Амроян 2005:21].

2) «За рамками классификации остаются такие тексты, как «Хорошо, да худо», сказка о сватовстве журавля и цапли, а также целая группа докучных сказок, структура которых также порождена повторением сюжетных морфем» [Амроян 2005:21].

3) «Преждевременным представляется и вывод автора о том, что цепочечные структуры возникают на основе кумулятивных, то есть они моложе их» [Амроян 2005:21-22].

Постараемся разобраться в этих «противоречиях».

Начнём с самого первого великого открытия, совершенным людьми в далеком прошлом: с того, как из ограниченного словесного материала создать текст неограниченной длины.

Для этого достаточно повторять одно и то же, причём, совершенно не важно что: можно – «Что говорить, когда нечего говорить?», можно – «Gaudeamus igitur», а можно – «Господи Иисусе Христе сыне Божий, помилуй мя грешного!».

Повторение одних и тех же речевых отрезков создаёт текстовую структуру (1), потенциально бесконечную:

(1) (a) + (a) + (a) + (a) + (a) + (a) + (a) + ...

Сокращённо эту структуру можно записать следующим образом:

Эта структура выполняет сразу три функции: 1) порождает текст, 2) сохраняет информацию, 3) задаёт ритм.

На то, что открытие было совершено и осознано, указывают типичные концовки многих докучных сказок, содержащие слово *конец*.

Жил-был старик, у старика был колодец, а в колодеце-то елец, тут и сказке конец.

Жил-был старик, у старика был колодец, а в колодеце-то елец, тут и сказке конец.

В этой сказке (а) = «Жил-был старик, у старика был колодец, а в колодце-то елец, тут и сказке конец».

Жил-был царь, у царя был двор, на дворе был кол, на колу мочало; не сказать ли с **начала**?

Жил-был царь, у царя был двор, на дворе был кол, на колу мочало; не сказать ли с **начала**?

Протекает речка,
Через речку мост,
На мосту овечка,
У овечки хвост,
На хвосте мочало,
Рассказать **сначала**?..

На горушке — избушка,
Живёт в ней старушка.
Сидит на печи,
Жуёт калачи.
Вот она встала,
Из-за печи мочалу достала. . .
Хороша у старушки мочала!
Не начать ли сказку с **начала**?

Тётушка Арина
Кашу варила,
Егор да Борис

Из-за каши подрались.
Мочала, мочала,
Начинай с **начала**!

У бабушкиной избёнки
Жевала травку Бурёнка,
Жевала, жевала — молчала.
Увидала: на заборе—мочала.
Увидала мочалу — замычала..
Не сказать ли про Бурёнку **сначала**?

Жила-была бабка
Да у самой речки,
Захотелось бабке
Искупаться в речке.
Накупила она
Мыла да мочала.
Эта сказка хороша,
Начинай **сначала**...

Весьма интересно то, что нередко сказку предлагается начать не с начала, а с **конца**, однако при этом начинают её всё равно не с конца, а с **начала**.

Жили-были два братца,
два братца - кулик да журавль.
Накосили они стожок сенца,
поставили среди польца.
Не сказать ли сказку опять с **конца**?

Жил-был царь Ватута
и вся сказка тута.
Стоит домишка пряничный,
Изюмом разукрашенный,
Блестит при свете месяца.
Дверь из леденца,
Не сказать ли с **конца**?..

Жили-дружили
Кот и Воркот.
Ели они с одного стола,
В окошко глядели с одного угла,
Гулять уходили с одного крыльца. . .
Не послушать ли сказочку опять с **конца**?

Жил Кутьерь-Мутьерь посреди польца,
Накосил себе стог сенца.
Пришли баран да овца,
Съели весь стог сенца..
Не сказать ли сказку опять с **конца**?

Эту функциональную эквивалентность **начала** и **конца** можно рассматривать как аргумент в пользу большой древности сказок этого типа, восходящей к эпохе неразличения того и другого. Вспомним, что «у палки два конца» и ни одного начала, что в древнерусском языке вечность-бесконечность обозначалась словом *безначалие*: *Въ всю бо землю изиде глас ея, являюще божие безначалье*. Апокал., 10 об. XII-XIII вв. [СлРЯ XI-XVII вв, 1:120] и, наконец, что *наЧАло* и *КОНец* – однокоренные слова, различающиеся лишь

вокализмом корня: *къл < -ЧА- (ср. наЧАть-наЧНет-наЧИНать и наЧАло-наЧИНание) и *kop- < КОН- [Фасмер 2004 3:51].

Для дальнейших рассуждений необходимо определить критерий тождества (а). Начнём с передельно ж ё с т к о г о определения тождества повторяемой части текста (назовём её вслед за А.И.Никифоровым *сюжетной морфемой*: далее – СМ).

(а) = (а), если в воспроизводимых СМ нет различий в количестве, качестве и последовательности звуков. Для письменной (и компьютерной формы текстов) (а) = (а), если воспроизводится одна и та же последовательность символов (букв и знаков препинания).

Под такое определение подходят сказки типа:

*Встал медведь на колоду –
Бултых в воду!
Уж он в воде мок, мок,
Уж он в воде кис, кис,
Вымок, выкис,
Вылез, выдох.
Встал медведь на колоду...*

В ней (а) = «Встал медведь на колоду – Бултых в воду! Уж он в воде мок, мок, Уж он в воде кис, кис, Вымок, выкис, Вылез, выдох».

А вот очень похожая сказка:

*Летел гусь,
и как сел на дорогу — так и упал в воду.
Мок, мок. Кис, кис — вымок, выкис, вылез
— сел на дорогу и снова пал в воду.
Мок-мок, кис-кис — вымок, выкис, вылез
и т. д.*

Однако она под данное выше определение не подходит. Во-первых, начала двух СМ не тождественны: «и как сел на дорогу — так и упал в воду» не равно «— сел на дорогу и снова пал в воду» (подчеркнуты несовпадающие части). Во-вторых, кроме СМ есть ещё часть, которая затем не повторяется: «Летел гусь...». Эту начальную часть сказки, которая далее не повторяется, назовём Экспозицией (Э). Отметим, что у докучных сказок она встречается.

Что касается формальной нетождественности СМ1 и СМ2, отметим её, предположив, что носителями фольклорной традиции эти различия могут не замечаться, как не касающиеся существа дела: в обоих случаях осуществляются одни и те же действия, на что, собственно, и указывает слово *снова*, отсутствующее в СМ1. Для письменной и компьютерной формы текста существенно и расхождение в знаках препинания: «Мок, мок. Кис, кис» и «Мок-мок, кис-кис».

Такое соотношение СМ требует с м я г ч е н н о г о определения тождества СМ: (а₁) = (а₂), если в них тождественны (или лексически близки) полнозначные слова. При этом «лексически близки» означает тождество корня при возможном различии аффиксов.

В рассмотренном выше примере это будет «сел на дорогу... упал в воду» и «сел на дорогу... пал в воду» (подчёркнуты различные, но лексически эквивалентные формы).

Ещё одним примером докучной сказки с экспозицией является следующая.

- Расскажи тебе сказочку про сову?	Весёлая голова.
- Расскажи!	Вот она летела, летела,
- Хорошо! Слушай, да не перебивай!	На берёзку села,
Летела сова -	Хвостиком повертела,

*По сторонам поглядела,
Песенку спела
И опять полетела.
Вот она летела, летела,
На берёзку села*

Экспозиция тут:

- Расскажи тебе сказочку про сову?
- Расскажи!
- Хорошо! Слушай, да не перебивай!
Летела сова -
Весёлая голова.

Что касается фразы «Сказывать ли дальше?..», то она выполняет функцию *Индикатора роста структуры* (И+/-). В зависимости от ответа (положительного или отрицательного) текст будет или не будет расти дальше, СМ будет или не будет прибавлена.

Все рассмотренные докучные сказки (с экспозицией или без неё) порождают потенциально бесконечный текст посредством с о п л о ж е н и я СМ.

Такие сказки, как правило, содержат вопрос (пусть даже риторический) о продолжении текста и предполагают участие в порождении текста собеседника: адресата сказки.

Но есть сказки другой структуры:

(2) (a + (a + (a + (a + ...))))).

К этой разновидности относятся докучные сказки типа «У попа была собака».

*У попа была собака,
Он ее любил.
Она съела кусок мяса,
Он ее убил.
В яму закопал,
И надпись написал,
что:
У попа была собака,
и т.д.*

*Хвостиком повертела,
По сторонам поглядела,
Песенку спела
И опять полетела...
Сказывать ли дальше?..*

СМ –

*Вот она летела, летела,
На берёзку села,
Хвостиком повертела,
По сторонам поглядела,
Песенку спела
И опять полетела.*

*Чучело-мяучело на трубе сидело,
Чучело-мяучело песенку запело.
Чучело-мяучело с пастью красной-красной,
Всех оно замучило песенкой ужасной.
Всем кругом от чучела горестно и тошно,
Потому что песенка у него про то, что
Чучело-мяучело на трубе сидело...*

Следующие ниже примеры заимствованы из статьи М.Л.Ковшовой [Ковшова 2002] и наших собственных записей.

*Сидел я на окошке,
Ел печенье картошки,
Подошла ко мне старуха,
Цап меня за брюхо.
Я старуху-то схватил
И в милицию стащил.
- В чем ваше дело?
- Сидел я на окошке,*

*Шли дети по дорожке,
Нашли книжку,
А в той книжке было написано:*

Шли дети по дорожке...;

*Дело было вечером,
Делать было нечего,
Мы сидели за столом,
Пили чай с молоком.
Вдруг пришел городовой,
Спрашивает: - В чем дело?
Дело было вечером...;*

*По нашей улочке
Идут три курочки,*

*А я один сижу на тротуаре.
Сижу, гляжу и вижу, как
По нашей улочке
Идут три курочки,*

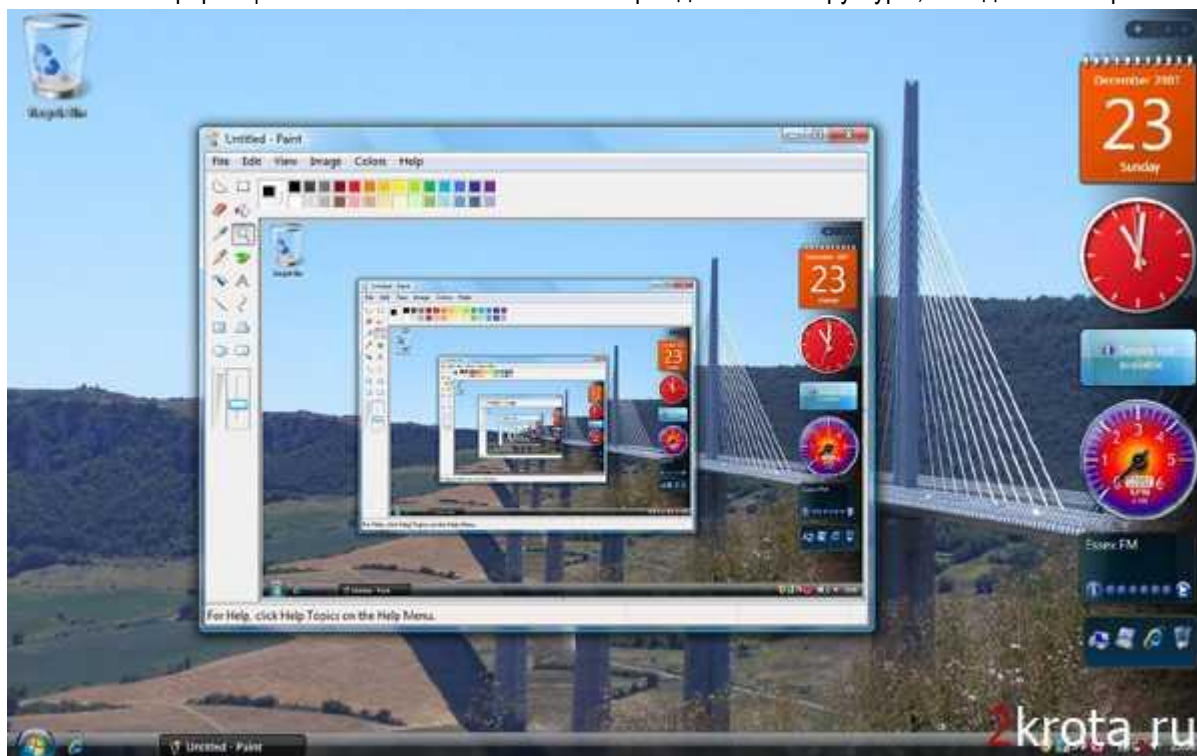
*Дело было так:
Я сидел курил табак.
Подошел ко мне татарин,
Меня по уху ударил...
Староста, староста,*

Тексты этого рода порождены посредством в к л ю ч е н и я . Они порождают структуру со вложением, когда в первый текст вложен второй, во второй – третий и так до бесконечности. В Википедии остроумно замечено, что в сказке «У попа была собака» размер текста ограничен лишь размерами того, на чём пишется «надпись». К этому можно добавить, что вторым ограничением является минимальный размер букв, доступный «попу».

А ещё этот текст можно уподобить отражению в двух направленных друг на друга зеркалах.

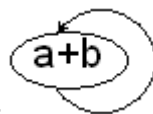

Новые информационные технологии позволяют порождать такие структуры, обходясь без зеркал.

Итак, мы разграничили два типа бесконечных структур: Усложнённым типом бесконечных сказок является так называемый «маятниковый повтор» (термин И.Ф. Амроян).

От аддитивных бесконечных структур (тип 1) эти структуры этого типа отличаются бинарной организацией СМ:

(3) $(a + b) + (a + b) + (a + b) + \dots$, сокращённо –

Например:

Шла собака через мост,

Завязила в тине хвост,

Тянула, тянула, вытянула хвост,

Только завязила в болоте нос.

Тянула, тянула, вытянула нос.

Только завязила в тине хвост.

Тянула, тянула, вытянула хвост,

Только завязила в болоте нос.

Тянула, тянула, вытянула нос.

Только завязила в тине хвост...

В этом тексте «*Шла собака через мост*» –

Экспозиция.

СМ1 – *Завязила в тине хвост,*

Тянула, тянула, вытянула хвост,

СМ2 – *Только завязила в болоте нос.*

Тянула, тянула, вытянула нос.

Главное, чем отличаются СМ1 и СМ2 – это слова *хвост* и *нос*, сменяющие друг друга в одних и тех же позициях. Таким образом, *нос* в СМ2 является новой информацией по сравнению с СМ1, в которой был *хвост*. Оба слова являются Переменными Нового (Н) в СМ. Кроме этих слов, СМ1 и СМ2 различаются словами *в тине* : *в болоте*. При этом *в тине* вязнет *хвост*, а *в болоте* – *нос*. *В тине* и *в болоте*, таким образом, являются переменными Трансформации Нового (Тн).

Постоянная часть СМ выглядит следующим образом:

(Только) завязила в Тн Н. Тянула, тянула, вытянула Н,

СМ этой конкретной сказки такова:

(Только) завязила в Тн Н. Тянула, тянула, вытянула Н,

Как видим, тождество СМ1 и СМ2 определяется по смягченному варианту из-за факультативности слова *только*, а для последующих пар СМ – по жёсткому.

Индикатором роста структуры является вторичное появление Н1 и Тн1 в позициях Н и Тн: с этого момента прекращается прирост информации и начинается её воспроизведение, направленное на удержание. С этого момента СМ перестаёт быть равной составляющей бесконечного текста, как это было у текстов структур (1) и (2), рассмотренных ранее, и начинает быть равной составляющей конечного текста. С этого момента внутреннее противоречие СМ, состоящее в том, что она одновременно равна (конечному) и не равна (бесконечному) тексту снимается: СМ более не равна и конечному тексту.

Поскольку бесконечные тексты порождаются аддитивным или фрактальным воспроизведением конечных текстов, дальнейшую классификацию бесконечных текстов целесообразно проводить по типам конечных текстов.

Структуру (3) имеют следующие тексты.

Едем дальше.

Видим мост,

На мосту ворона сохнет.

Хвать её за хвост,

Шась её *под* мост –

Пусть она *помокнет!*

Едем дальше.

Видим мост,

Под мостом ворона мокнет.

Хвать её за хвост,

Шась её *на* мост –

Пусть она *обсохнет!*

Едем дальше...

Шел я *как-то* через мост,

Глядь - ворона *мокнет*.

Взял ворону я за хвост,
Положил её *на* мост -
Пусть ворона *сохнет!*
 Шел опять я через мост,
 Глядь - ворона *сохнет.*
 Взял ворону я за хвост,
 Положил её *под* мост -
 Пусть ворона *мокнет!*
Снова шел я через мост,
Глядь - ворона *мокнет.*

Взял ворону я за хвост,
Положил её *на* мост -
Пусть ворона *сохнет!*
 Я *опять* пришел на мост,
 Глядь - ворона *сохнет.*
 Взял ворону я за хвост,
 Положил её *под* мост -
 Пусть ворона *мокнет!*
Я *пришел* на *тот же* мост,
Глядь - ворона *мокнет...*

Структурой этого типа обладает также сказка «Журавль да цапля»:
Жили-были журавль да цапля, построили себе по концам болота избушки.

Журавлю показалось скучно жить одному, и задумал он жениться.

Давай пойду посватаюсь к цапле! —

Пошел журавль — тяп-тяп! Семь верст болото месил, приходит и говорит:

Дома ли цапля? —

Дома. —

Выдь за меня замуж. —

Нет, журавль, не пойду за тебя замуж, у тебя ноги долги, платье коротко, прокормить жену нечем. Ступай прочь, долговязый! —

Журавль, как не солоно похлебал, ушел домой.

Цапля после раздумалась и сказала:

Чем жить одной, лучше пойду замуж за журавля. —

Приходит к журавлю и говорит:

Журавль, возьми меня замуж! —

Нет, цапля, мне тебя не надо! Не хочу жениться, не возьму тебя замуж. Убирайся! —

Цапля заплакала от стыда и воротилась назад.

Журавль раздумался и сказал:

Напрасно не взял за себя цаплю: ведь одному-то скучно. Пойду теперь и возьму ее замуж. —

Приходит и говорит:

Цапля, я вздумал на тебе жениться; поди за меня. —

Нет, долговязый, не пойду за тебя замуж! —

Пошел журавль домой.

Тут цапля раздумалась:

Зачем отказала такому молодцу: одной-то жить невесело, лучше за журавля пойду! —

Приходит свататься, а журавль не хочет.

Вот так-то и ходят они по сю пору один к другому свататься, да никак не женятся.

(Из сборника А.Н. Афанасьева «Русские детские сказки»)

Реконструкция этой сказки по смягченному варианту даёт следующий результат.

Жили-были журавль да цапля, построили себе по концам болота избушки.

СМ1

Журавль раздумался и сказал:

скучно жить одному

возьму замуж цаплю!?!—

Приходит журавль к цапле и говорит:

Цапля, поди за меня замуж!?!—

Нет, журавль, не пойду за тебя замуж.

Ступай прочь, долговязый!?!—

Журавль ушел домой.

СМ2

Цапля раздумалась и сказала:

скучно жить одной

пойду замуж за журавля.?!—

Приходит цапля к журавлю и говорит:

Журавль, возьми меня замуж!?!—

Нет, цапля, не возьму тебя замуж.

Убирайся прочь!?!—

Цапля ушла домой.

СМ3

Журавль раздумался и сказал:

По м я г к о м у (т.е. содержательному) варианту тождества СМ структура текста выглядит так:

СМ1

Журавль сватается к цапле,

Но цапля отказывает,

И журавль уходит.

СМ2

Цапля сватается к журавлю,

Но журавль отказывает,

И цапля уходит.

СМ3

Журавль **снова** сватается к цапле,

Но цапля отказывает,

И журавль уходит.

СМ4

Цапля **снова** сватается к журавлю,

Но журавль отказывает,

И цапля уходит.

Судя по обобщению: «Вот так-то и ходят они по сю пору один к другому свататься, да никак не женятся», СМ5+СМ6 и т.д. = СМ3+СМ4.

Переменных нового (Н) здесь всего две: Н1=журавль, Н2=цапля.

СМ1а выглядит следующим образом: Н1 сватается к Н2, но Н2 отказывает и Н1 уходит. СМ2 отличается от СМ1 только тем, что Н1 и Н2 меняются позициями, а вместе с ними и функциями-предикатами: Н2 сватается к Н1, но Н1 отказывает и Н2 уходит. И+, по существу, в этом и состоит.

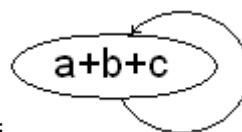
Отличие СМ2 от СМ1 состоит в отказе от предыдущего решения в пользу противоположного: «не женюсь» меняется на «женюсь», «не выйду» меняется на «выйду». В этом смысле обмен Н1 и Н2 позициями порождает эффект И (индикатора роста структуры). Для конечного текста, состоящего из двух СМ, это оказывается приростом новой информации: и журавль и цапля выступают в новых функциях. Для бесконечного текста равенство СМ1=СМ3 является индикатором роста бесконечной структуры (И+). При этом мена позиций в СМ3 по сравнению с СМ2 выполняет одновременно две противоположные функции: выступает в качестве И- для к о н е ч н о г о текста и в качестве И+ – для б е с к о н е ч н о г о .

Отличие СМ3+СМ4 от СМ1+СМ2 несущественно: добавляется указание на повторение действия, что можно считать частью И+ бесконечного текста. Кроме того, подтверждается наше давнее наблюдение о принципиальной неполноте первой СМ. Зато уже все последующие пары СМ будут равны СМ3+СМ4.

Что касается сюжета «Хорошо, да худо», есть серьёзные сомнения в принадлежности данного текста структуре (3). Во-первых, в этом тексте невозможно выделить СМ. Во-вторых, из повторяющихся частей только фразы «Хорошо, да не так», «Плохо, да не так». В-третьих, этот текст относится скорее к загадковидным [Топоров 1994] диалогам, чем к докучным сказкам. В-четвёртых, этот текст нельзя отнести ни к бесконечным, ни к докучным сказкам. В-пятых, тексты, собранные Афанасьевым в разделе «Хорошо, да плохо», структурно ближе к конечным цепочечным текстам, характерным для загадочного дискурса [Топоров 1999: 21-22].

В зависимости от числа СМ у воспроизводимых текстов следует различать *о д н о ч л е н н ы е* (типа «На колу мочало – начинай с начала» и «У попа была собака»), *д в у ч л е н н ы е* (названные И.Ф.Амроян «маятниковыми»), *м н о г о ч л е н н ы е* (*т р е х ч л е н н ы е*, *ч е т ы р ь ч л е н н ы е* ... в общем случае – *п - ч л е н н ы е* (недифференцированно отнесенные И.Ф. Амроян к «кольцевым»).

Соответственно, у нас появятся новые структуры

(4) $(a + b + c) + (a + b + c) + (a + b + c) + (a + b + c) + \dots =$

(5) $(a + b + c + d) + (a + b + c + d) + (a + b + c + d) + \dots$

В общем виде: $(a + b + \dots n) + (a + b + \dots n) + (a + b + \dots n) + \dots$

По мере увеличения числа СМ в воспроизводимом тексте значимость замыкания текста на себя уменьшается: из способа порождения бесконечного текста она превращается в показатель прекращения роста конечной структуры, хотя её конечно-бесконечная двойственность при этом не утрачивается.

В качестве текста структуры (4) можно привести следующий.

Стоит над рекой дуб.

На том дубу сидит сорока - в реку смотрит.

А рак вылез из воды и ползёт.

Вот он *лезет да ползёт*. А сорока смотрит.

Вот она *смотрит*. А рак лезет да ползёт.

Вот он *лезет да ползёт, лезет да ползёт*, а сорока смотрит.

Вот она *смотрит, да смотрит*, а рак лезет да ползёт

Вот он *лезет да ползёт, лезет да ползёт, лезет да ползёт*. А сорока смотрит.

Вот она *смотрит, да смотрит, да смотрит*. А рак лезет да ползёт...

Если часть «*Стоит над рекой дуб. На том дубу сидит сорока - в реку смотрит. А рак вылез из воды и ползёт*» принять за Экспозицию (Э), то СМ будут выглядеть следующим образом:

СМ1: Вот Тн1а (**Тн1b**). А Н2 Тн2b.

Вот Тн2а (**Тн2b**). А Н1 Тн1b.

СМ2: Вот Тн1а (**Тн1b, Тн1b**). А Н2 Тн2b.

Вот Тн2а (**Тн2b, Тн2b**). А Н1 Тн1b.

СМ3: Вот Тн1а (**Тн1b, Тн1b, Тн1b**). А Н2 Тн2b.

Вот Тн2а (**Тн2b, Тн2b, Тн2b**). А Н1 Тн1b.

При этом Н1=рак, Тн1а=он, Тн1b= лезет да ползёт

Н2=сорока, Тн2а=она, Тн2b= смотрит (да)

Количество переменных $T_{n1b/2b}$ в начальной части $СМ$ выполняет функцию Счётчика сюжетных морфем ($Сч$): количество повторений этой переменной равно числу $СМ$. С каждой новой $СМ$ число повторений $T_{n1b/2b}$ в этой части $СМ$ увеличивается на единицу.

При этом прироста новой информации не происходит, но $СМ1 \neq СМ2 \neq СМ3 \dots$, по крайней мере, по жесткому определению тождества.

Сходным образом может строиться диалог в документной «Сказке про белого бычка»:

Сказать ли тебе сказку про белого бычка?

— Скажи.

— Ты «скажи», да я «скажи», а сказать ли тебе сказку про белого бычка?

— Нет.

— Ты «нет», да я «нет», да чего ж это будет? А сказать ли тебе сказку про белого бычка?

— Отстань!

— Ты «отстань», да я «отстань», да чего ж это будет, да докуль это будет? А сказать ли тебе сказку про белого бычка?

...Не надо...

Индикатором роста структуры с положительным значением являются реплики собеседника независимо от их содержания: $I_{1+} = \text{Скажи}$, $I_{2+} = \text{Нет}$, $I_{3+} = \text{Отстань}$, $I_{4+} = \text{Не надо}$. Варьирование $СМ$ при этом выглядит следующим образом:

$СМ1$ — Ты «И+», да я «И+». А сказать ли тебе сказку про белого бычка?

$СМ2$ — Ты «И+», да я «И+», **да чего ж это будет?** А сказать ли тебе сказку про белого бычка?

$СМ3$ — Ты «И+», да я «И+», **да чего ж это будет, да докуль это будет?** А сказать ли тебе сказку про белого бычка?

При условии: $СМ1=СМ4$ данный текст превращается в текст структуры (4).

При этом обнаруживается переменная нового: $H_2 = \text{да чего ж это будет}$, $H_3 = \text{да докуль это будет}$. В таком случае $H_1 = \emptyset$, а переменная Связи ($Св$) оказывается кумулятивной и равна $Св = \text{от } H_1 \text{ до } H_{(i-1)}$.

Такой же структурой обладает и следующий анекдот:

- Рабинович, скажите, откуда вы берёте деньги?

- Ну, таки, из тумбочки.

- Нет... ну а в тумбочке они откуда они берутся?

- Ну, таки, Сара кладёт...

- А Сара откуда берёт деньги?

- Ну, таки, я даю...

- Так вы-то откуда их берёте??

- Ну, таки, из тумбочки!

Если его преобразовать по смягченному варианту тождества, получим:

- Рабинович, откуда вы берёте деньги?

- Из тумбочки.

- А откуда в тумбочке берутся деньги?

- Сара кладёт...

- А откуда Сара берёт деньги?

- Я даю.

- А откуда вы берёте деньги??

- Из тумбочки!

В этом тексте три $СМ$:

$СМ1$: У Рабиновича деньги из тумбочки

$СМ2$: В тумбочке деньги от Сары

СМ3: У Сары деньги от Рабиновича

СМ4=СМ1: У Рабиновича деньги из тумбочки...

Переменные нового: Н1 = Рабинович, Н2 = Тумбочка, Н3 = Сара

СМ1 = У Н1 деньги из Н2 (P < T)

СМ2 = В Н2 деньги от Н3 (T < C)

СМ3 = У Н3 деньги от Н1 (C < P)

СМ4 = У Н1 деньги из Н2 (P < T)

Сам факт равенства: СМ4=СМ1 является И- (индикатором роста конечного текста с отрицательным значением: новой информации больше не появится) и одновременно И+ (индикатором роста бесконечного текста с положительным значением: порождение бесконечного текста началось).

Воспроизводимый конечный текст имеет цепочечную переменную связи: $S_v = N_{(i+1)}$;

Общая структура этого текста:

$((a+b)+(b+c)+(c+a)) + ((a+b)+(b+c)+(c+a)) + \dots$

Не нужно большой проницательности, чтобы увидеть тождественность этой структуры структуре (4).

Рассмотренные выше сказки, строго говоря, не являются докучными: единственное, чем они могут докучать, так это своей бесконечностью.

С полным правом *докучными* называются те сказки, относимые М.А.Ковшовой, статья которой так и осталась неизвестной И.Ф.Амроян (в [Амроян 2005] имя М.Л.Ковшовой не упоминается), к 1. *неоправданно короткими* и 2. *неоправданно незаконченными* [Ковшова 2002].

Докучливость этих «сказок» заключается в том, что сказка в них обещается, но не сообщается.

Приведем примеры таких сказок.

СМ1: - *Рассказать ли тебе докучную сказочку?*

- *Расскажи.*

- *Ты говоришь: расскажи, я говорю: расскажи;*

СМ2: *рассказать ли тебе докучную сказочку?*

- *Не надо.*

- *Ты говоришь: не надо, я говорю: не надо;*

СМ3: *рассказать ли тебе докучную сказочку?*

- *и т. д.*

В этом тексте СМ Выглядит следующим образом:

СМ: - *Рассказать ли тебе докучную сказочку?* - Н. - *Ты говоришь: Н, я говорю: Н.*

При этом Н1=*Расскажи*, а Н2=*Не надо*.

Мы видим, что в позиции переменной нового Н появляются разные слова, не синонимичные друг другу. С этой точки зрения и по жёсткому и по смягчённому и даже по мягкому определению тождества СМ «Расскажи» \neq «Не «надо»; следовательно, мы имеем структуру (а) + (b) + (c) + ..., а не структуру (1). Тут мы обнаруживаем не только противоречивость формы и функции, но и нечто большее. Наша переменная нового Н выступает в функции И+ (положительного индикатора роста структуры), независимо от её содержания. Эта нерасчленённость переменных Н и И не только подтверждает архаичность текстов данного типа, но и проливает свет на происхождение переменной И: Индикатор роста структуры происходит из переменной нового (Н).

Близка к уже рассмотренной и нижеследующая «сказка».

СМ1: *Сказать ли тебе сказку про белого бычка?*

— *Скажи.*

— *Ты «скажи», да я «скажи»,*

СМ2: *а сказать ли тебе сказку про белого бычка?*

— *Нет.*

— *Ты «нет», да я «нет», да чего ж это будет?*

СМ3: *А сказать ли тебе сказку про белого бычка?*

— *Отстань!*

— *Ты «отстань», да я «отстань», да чего ж это будет, да докуль это будет?*

СМ4: *А сказать ли тебе сказку про белого бычка?*

...Не надо...

Был себе человек Яшка/Яська/Тяжка/Сашка,
На нем серая сермяжка/красная рубашка
(На спине синяя латка),
На затылке пряжка,
На шее тряпка,

На голове шапка.

Хороша ли моя сказка?

- Хороша (Нехороша).
- Ты говоришь: хороша (нехороша),
Я говорю: хороша (нехороша),
А вот послушай:

Был себе человек Яшка...

К бесконечным докучным текстам (но не сказкам) диалогического типа относится также словесная игра «Купи слона»:

СМ1: — Купи слона!

— Зачем мне слон?

— Все говорят «зачем мне слон»,

СМ2: а ты купи слона.

— Отстань!

— Все говорят «отстань»,

СМ3: а ты купи слона.

И т.д.

Ср. Вариант М.Л.Ковшовой:

- Купи слона.

(- Отстань.)

- Все говорят: отстань.

А ты купи слона.

(- Сам купи.)

- Все говорят: сам купи.

А ты купи слона.

(Отворачивается.)

- Все отворачиваются.

А ты купи слона. (Молчит.)

- Все молчат.

А ты купи слона...;

Сюда же можно отнести и бесконечный диалог:

Мы с тобой шли?

- Шли!

- Сапог нашли?

- Нашли!

- Я тебе его дал?

- Дал!

- Ты его взял?

- Взял!

- А где же он?

- Кто?

- Да не кто, а что!

- Что?

- Сапог!

- Какой?

- Ну такой!

Мы с тобой шли?

- Шли!

- Сапог нашли?

- Нашли

К интерпретации этого текста М.Л.Ковшовой нам практически нечего добавить: «Решивший участвовать в игре слушатель подает подсказанные ему реплики, но вот рифма нарушена и требуется не автоматический, а осмысленный ответ на вопрос: - Де же он? Кожух (кафтан, шуба, плетка и др.) должен остаться в сказочном пространстве, а рассказчик переносит его поиски в пространство реальной действительности. И слушатель не знает, что сказать (- Что?). Он вынужден либо участвовать в продолжении сказочного повествования, либо остановить игру, обозначив своей репликой границу между сказочным повествованием и бытовым диалогом:

- Кум, а кум! Мы с тобой шли? - Шли. - Да кожух знайшли? - Знайшли. - У корчму зайшли? - Зайшли. - По восьмушци выпили? - Выпили. - Я ж яго зняв? - Зняв. - Да тебе отдав? - Отдав. - Да де ж он? - Кто? - Кожух! - Який?

- Да мы с тобой шли?..» [Ковшова 2002].

Эти диалоги также потенциально бесконечны и имеют структуру (1).

Совсем другой структурой обладают сказки типа

- Расскажешь ли тебе сказочку про белого гуся?

- Расскажи.

- Вот она и вся.

Жил-был царь Ватута – И вся сказка тут!

Примечательно, что в таких текстах (и их записях) никаких указаний на повторение или бесконечность не содержится. Это «сказки» докучные, но не бесконечные!

По точному наблюдению М.Л. Ковшовой, «наличие многих персонажей объясняется сквозной рифмой, являющейся художественной особенностью данных текстов: рифма на -ся (*гуся-поросся-лося-карася-вся*), рифма на -ец (*елец-жеребец-огурец-конец*), рифма на -тута (*Ватута-кнута-тута*)» [Ковшова 2002].

Неоправданно незаконченные докучные сказки М.А.Ковшова интерпретирует следующим образом: «Бесконечность второго типа докучной сказки создается открытостью ее конца. Технический прием состоит в том, что ход сказочного действия, его время, способное в обычной сказке замедляться или волшебным образом ускоряться, соединяется с ходом времени в реальном пространстве: рассказчик и слушатель вынуждены ждать, когда две тысячи волов перейдут по одной жердочке мост, и только после этого можно будет продолжить повествование.

Таким образом, сказка сменяется реальностью; в тексте они соединены, а не противопоставлены друг другу. Это соединение происходит на четко маркированной вопросом слушателя границе между художественным пространством и реальностью:

Был себе царь Додон. Застроил он костеный дом, Набрал со всего царства костей, Стали мочить - перемочили, Стали сушить - кости пересохли, Опять намочили... (- Ну что же дальше было?) А когда намокнут, тогда доскажу.

Жил-был один мудрец, вздумал он из человеческих костей построить через Кіян-море мост. Собирал он кости не год, не два, целых сорок лет и пустил их, чтобы были мягки, мочнуть в воду... (- Ну что же дальше было?) Подожди, еще кости не размокли» [Ковшова 2002].

К докучным сказкам конечного типа относятся и следующие.

— Жил-был старичок. Поехал на мельницу
намоть муку...

— Ну, вот поманил, а не рассказываешь!

— Кабы доехал, рассказал, а он, может, неделю
проедет!

*В некотором царстве,
В незнакомом государстве,
Не в том, в котором мы живём,
Случилось диво дивное,
Явилось чудо чудное:*

Выросла в огороде репа важная,

Хвалила старуха кажная:

Одним днем

Не обойдешь кругом.

Половину той репы вся деревня месяц ела,

Едва доела.

Соседи увидали —

Три недели другую половину доедали.

Остатки на телегу навалили,

Мимо лесу потащили,

Телегу обломали.

Пробежал медведь — удивился,

Со страху спать повалился...

Когда он проснётся —

Тогда и сказка дальше поведётся!

Жил-был царь Бубенец.

Захотел он построить себе новый дворец

Навезли ему мокрых досок,

Положили сушить на песок.

Сушили, сушили — пересушили.

Положили в реку — перемочили.

Снова сушили — пересушили,

*Снова мочили — перемочили!
Вот как будут доски готовы,
Тогда и за сказку за эту примемся снова.
Только будет это нескоро:*

*Это будет в тот год,
Когда леший помрёт, —
А он ещё и не хворал!*

Как видим, и эти сказки, являясь докучными, не являются рекурсивными.

Таким образом, отождествление бесконечных и докучных сказок ошибочно. Это два пересекающихся множества, причём зона пересечения невелика: «Докучная сказочка», «Сказка про белого бычка» и «Был себе человек Яшка».

Перейдём к рассмотрению конечных текстов рекурсивной структуры.

Если бесконечные тексты рекурсивной структуры (P_{∞} -тексты) решали три задачи: 1) порождение текста, 2) удержание информации и 3) формирование ритма, то конечных тексты рекурсивной структуры (P_k -тексты) решают на одну задачу больше: они ещё 4) обеспечивают прирост и накопление информации. При этом любой P_k -текст может быть закольцован и превращён в бесконечный, что для характеристики конечных текстов и их структуры не имеет значения, ибо конечный текст растёт лишь до тех пор, пока прирастает информация, повторение же его означает прекращение прироста информации. Так И+ бесконечного текста выступает в значении И- конечного текста. Более того: И+ бесконечного текста относится ко всему конечному тексту, а И- конечного текста относится к новой СМ. Таким образом, повторение конечного текста является сигналом его окончания.

Выше было предложено классифицировать конечные тексты по числу СМ: на одночленные, двучленные, трёх- и более -членные. Начиная с трёхчленных текстов появляется возможность различать три типа структур:

- (6) $(a) + (b) + (c) + (d) + (e) + (f) + \dots (n)$ – ступенчатый;
- (7) $(a) + (a+b) + (b+c) + (c+d) + (d+e) + (e+f) + \dots (n)$ – цепочечный;
- (8) $(a) + (a+b) + (a+b+c) + (a+b+c+d) + (a+b+c+d+e) + (a+b+c+d+e+f) + \dots (n)$ – кумулятивный.

Трёхчленная рекурсия преобладает в волшебных сказках и выступает там в качестве приема ретардации. Весьма часта трехчленная структура и в анекдотах. Сказки же, традиционно называемые кумулятивными, в норме имеют большее число СМ.

Второе великое открытие, совершённое нашими далекими предками, состояло в том, как не только удерживать информацию, но и наращивать её. В полной мере этому требованию отвечают кумулятивные тексты структуры (8): единожды полученная информация всё время воспроизводится, что способствует её сохранению.

Доказательство относительной хронологии структур (6-8) может быть как логическим, так и эмпирическим.

Одного взгляда на структуры (6-8) достаточно, чтобы заметить: систематически различаться они начинают только с третьей СМ. Вторые СМ совпадают у кумулятивных и цепочечных текстов, а первые СМ – у всех трёх типов структур. Из этого автоматически следует, что первые СМ для структур (7) и (8) принципиально неполны. Что касается второй СМ, то она является позицией нейтрализации для структур (7) и (8). Соответственно, СМ1 – позиция нейтрализации для структур (6-8).

Только в кумулятивной структуре есть модели цепочечной и ступенчатой структур: СМ1 кумулятивной структуры – модель СМ ступенчатой структуры, СМ2 кумулятивной структуры – модель СМ цепочечной структуры и СМ3 кумулятивной структуры является моделью самой кумулятивной структуры.

Таким образом, логическое доказательство большей древности кумулятивных структур состоит 1) в их максимальной близости к бесконечным текстам (сохраняется воспроизведение информации) и 2) в логической выводимости из кумулятивной структуры цепочечной и ступенчатой.

Эмпирическое доказательство большей древности кумулятивных структур состоит в их регулярном, если не сказать – систематическом, вырождении в более экономные (чаще – ступенчатые) структуры в самом процессе рассказывания.

Первоначально в сказке ценилась продолжительность: сказка помогала коротать время, развлекала. То же – и с народными песнями: они были длинными, так как помогали разнообразить монотонность крестьянского труда и, будучи закольцованными – бесконечными. Когда функция сказок и песен изменилась, долгота стала недостатком, от которого стали избавляться, выкидывая, по возможности, всё повторяющееся. Это привело к торжеству самых экономных структур – ступенчатых.

В записях фольклористов (в том числе и используемых И.Ф.Амроян) вырождение кумулятивных структур представлено не единицами, а десятками и сотнями.

Когда отсутствуют собственно научные аргументы, в науке принято апеллировать к мнению авторитетов или большинства. Разумеется, доказательной силой такие аргументы не обладают, но их житейская сила подтверждается постоянством их использования. В данном случае, оспаривая бóльшую древность кумулятивных структур, И.Ф. Амроян оказывается в одиночестве. С ней не согласен даже К.В. Чистов, с опорой на работу которого исследовательница стремится обосновать максимальную древность цепочечных структур: «Образцы наиболее ясного цепьевидного построения можно найти среди так называемых кумулятивных песен. Они по своему характеру близки к кумулятивным сказкам или, может быть, наоборот – отчетливость их цепьевидной композиции, построенной на повторениях подобных эпизодов, производит на человека, привыкшего к сложной композиции текста современной художественной прозы, песенное впечатление. Таковы известные всем с детства сказки **«Колобок»**, **«Репка»** и другие со схемой $A + A_1 + A_2 + A_3$ и т.д., отражающей, видимо, **наиболее архаический** из возможных видов повествовательного сюжета (выделение наше – А.К.) [Haavio 1929; Taylor 1934; Пропп 1976: 241-257; Lüthi 1975: 95; Неклюдов 1975: 182-190]» [Чистов 2005: 99-100].

И К.В.Чистов и И.Ф. Амроян правы, описывая кумулятивные (и цепочечные) структуры как ступенчатые. Действительно, $(a+b) \neq (b+c)$, а $(a+b+c) \neq (a+b+c+d)$. Если мы первые члены данных пар обозначим как (a/A) , то второй член с необходимостью будет не равен (a/A) , т.е. должен будет обозначен как (b/A_1) . Аналогично – и с остальными составляющими текста (СМ).

В этом смысле И.Ф. Амроян права, когда указывает, что в «Колобок последовательно встречается с различными персонажами» [Амроян 2005:21]. Но это лишь констатация того очевидного обстоятельства, что «Колобок» содержит несколько СМ и несколько Н (переменных нового). А вот фраза «кумуляция обнаруживается *только* в песенке Колобка» (курсив наш – А.К.) [Амроян 2005:21] фактически является самоопровержением. Или, по мнению, И.Ф.Амроян песенка Колобка не является частью СМ? Или в песенке Колобка не повторяются все ранее встречавшиеся персонажи? А если признать, что песенка Колобка – часть СМ и в ней повторяются все ранее упоминавшиеся персонажи (Н), то не признать «Колобок» сказкой кумулятивной структуры невозможно.

Что же касается глубокого и продуктивного наблюдения К.В.Чистова о сходстве темо-рематической структуры речи и фольклорных текстов цепочечной структуры, то тут следует иметь в виду, что первичной немаркированной и естественной формой речи является диалог с его вопросно-ответной формой. Вопрос первого собеседника – тема, ответ второго собеседника – рема.

Рассмотренные выше бесконечные рекурсивные тексты, рождаясь из диалога (как «Докучная сказочка»), развиваются в монологический текст (как «У попа была собака»), а собеседник с его ответом, если и нужен, то только как повод для очередного воспроизведения текста. Конечные же тексты рекурсивной структуры принципиально монологичны, что не мешает им содержать в СМ и диалоги.

Следующим этапом развития монологических текстов являются волшебные сказки, содержащие и диалоги, и рекурсивные фрагменты. Как видим, культура строится накоплением открытий, техник, приёмов: каждое новое открытие не отменяет предыдущие, а использует, включает, обогащает их и обогащается ими.

В целом монологическая речь – очень позднее достояние человечества, что подтверждает и история развития индивида: монологической речью ребенок овладевает значительно позднее и с бóльшим трудом, чем диалогической.

Монолог – поздняя, искусственная и маркированная форма речи, «не многих добровольный крест».

Подведём итоги.

Обнаружены две важные оппозиции Р-текстов: *бесконечные* : *конечные*, *диалогические* : *монологические*. Бесконечные Р-структуры подразделяются на *аддитивные* (с соположением) и *фрактальные* (с включением).

Установлена не тождественность, а лишь незначительная пересекаемость *докучных* и *бесконечных* Р-сказок.

Назначение последних – порождение бесконечного текста. Назначение первых – досадить собеседнику, вызвать его раздражение. Первые вовсе не обязательно бесконечны.

Мотивирована не принадлежность текстов «Хорошо, да плохо» к Р-структурам.

Даны определения *жесткого*, *смягченного* и *мягкого* тождества сюжетных морфем.

Предложена классификация бесконечных текстов по количеству СМ в воспроизводимых текстах: *одночленные* (1 СМ), *двучленные* (2 СМ), *многочленные* (3 и более СМ).

Так называемый «кольцевой повтор» И.Ф. Амроян оказался способом создания бесконечных текстов, а её «маятниковый повтор» – частным случаем бесконечных текстов – двучленными бесконечными текстами.

Анализ СМ бесконечных Р-структур позволил обнаружить в них и Н, и Сч, и Тн и И+/-, а так же прийти к выводу: Индикатор роста структуры происходит из переменной нового (Н).

Предложена целостная типология рекурсивных текстов, различающая 9 типов Р-структур.

Дальнейшим направлением исследования может быть полный охват всего мирового корпуса Р-сказок, Р-песен и Р-анекдотов, а также использование Р-структур в сакральных и художественных текстах.

Литература

1. Амроян И.Ф. Типология цепевидных структур // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1995, Вып. 8-9, с. 286-293.
2. Амроян И.Ф. Русские докучные сказки. Сост., вст. ст., подгот. текстов и коммент. И.Ф. Амроян. – Тольятти, 1996.
3. Амроян 1997 Амроян И.Ф., Современные судьбы произведений детского фольклора, имеющих традиционную цепевидную композицию // Атриум. Серия Филология. – 1997, №1. – С.18-24
4. Амроян И.Ф. Типология цепевидных структур. – Тольятти, 2000. –124 с.
5. Амроян И.Ф. Повтор в структуре фольклорных текстов (на материале русских, болгарских и чешских сказочных и заговорных текстов). – М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2005. – 296 с.
6. Ковшова М.Л. *У пола была собака*: о лукавой поэтике докучной сказки // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. – М., 2002.
7. Кретов А.А. Сказки рекурсивной структуры // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Т. 1 (Новая серия). Тарту: Кафедра русской литературы Тартуского университета, 1994, с. 204-214.
8. Кретов А.А. 2002а Рекурсивные сказки-2 // <http://www.ruthenia.ru/folklore/publikations.htm>. – с. 1-22.
9. Кретов А.А. Сказки с повторениями // Живая старина: Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. – М., 2002б, № 1(33), с. 24-27. – 0,44 п.л.
10. Кретов А.А. *Колобок*: от объекта к субъекту // Текст, м.р., ед.ч.: материалы рабочего совещания / Под ред. В.Н. Базылева. – М.: МАКС Пресс, 2003а, с. 16-33
11. Кретов А.А. 2003б О взаимной проективности фольклорного текста и его метаязыковой записи // <http://www.ruthenia.ru/folklore/publikations.htm>. - с. 1-26.
12. Неклюдов С.Ю. Статические и динамические начала в пространственно-временной организации повествовательного фольклора //Типологические исследования по фольклору. - М., 1975, с.183-184.

13. Никифоров А.И. Народная детская сказка драматического жанра /А.И.Никифоров// (Отд. отт. из Сказочной Комиссии в 1927 г.) Л., 1928, с.49-63.
14. Пропп В.Я. Кумулятивная сказка // В.Я. Пропп, Фольклор и действительность: Избранные статьи, М.: Наука, 1976, с. 241-257.
15. Словарь русского языка XI-XVII вв., вып. 1 - ..., – М.: Наука, 1975 –
16. Толстой И.И. Обряд и легенда афинских буффоний // "Советский фольклор", 1936, №4-5, с. 251-264. - Цит. по: Толстой И.И. Статьи о фольклоре, М.-Л., Наука, 1966, с.80-96.
17. Топоров В.Н. Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. I. - М.: Индрик, 1994, С.10-117.
18. Топоров В.Н. II. «Второе» происхождение – загадка в ритуале (ведийская космологическая загадка типа *brahmodya*: структура, функция, происхождение) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. I. - М.:Индрик, 1999, С.8-53.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т.: Около 5500 слов/ Фасмер М; Перев. с нем. и доп. О.Н.Трубачева. – 4-е изд., стер. – ТТ.I-IV, М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2004.
20. Чистов К.В. Вариативность и поэтика фольклорного текста // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. – М., 1983. С. 143-169.
21. Чистов К.В. Вариативность и поэтика фольклорного текста // Фольклор. Текст. Традиция: Сб. ст. / К.В. Чистов. – М.: ОГИ, 2005. С. 77-104. – (Нация и культура: Новые исследования: Фольклор).